

Светлана Рощина

Ночная кукушка

повесть

16+

Светлана Рощина

Ночная кукушка

«Автор»

2022

Рощина С.

Ночная кукушка / С. Рощина — «Автор», 2022

Главная героиня – сорокалетняя женщина, которая пытается разобраться в том, почему у неё плохие отношения с матерью и все попытки наладить эти отношения заканчиваются неудачей. И лишь смерть отца, а также события, последовавшие за этим, показывают героине истинное лицо её матери и открывают правду об этой женщине. Представленная повесть ориентирована на читателей, имеющих семейные проблемы по линии родителей и детей либо интересующихся данной тематикой.

© Рощина С., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Предисловие	5
Как всё было	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Светлана Рощина

Ночная кукушка

Предисловие

Зачем я пишу эти строки? Ведь их вряд ли будет кто-то читать, кроме меня. Да и сама я тоже вряд ли захочу их когда-нибудь перечитать. Наверное, было бы проще всё забыть. Вычеркнуть из памяти раз и навсегда, будто этого никогда не было в моей жизни. Да только именно в этом и кроется засада. Не так-то легко изъять из памяти то, что долгие годы было частью моей жизни. И поэтому я решила поступить по старинке. Пройти шаг за шагом весь путь моих взаимоотношений с родной матерью, чтобы разобраться, что в них было не так, и исторгнуть из себя эту боль, которая до сих пор не даёт мне расправить плечи и жить полной жизнью, не оглядываясь на прошлое. А вдохновил меня на это «Дневник Анны Франк».

Стыдно признаться, но я долгое время ничего не знала об этой бедной девочке, хотя бывала с детьми в Амстердаме, и во время экскурсии нам показывали дом, в котором во время войны скрывалась от фашистов семья Анны Франк. Но тогда мои измученные мозги были заняты другими, более насущными проблемами, и я не придавала значения услышанной истории. И лишь сейчас, когда у меня появилось свободное время, я решила восполнить пробел в своих знаниях и ознакомиться с этим документом.

Меня так потрясла судьба этой девочки, её упорство и мужество, с которым она вела свои записи о том тяжёлом времени, даже не предполагая, какое они будут иметь значение для людей всего мира, что долго не могла прийти в себя. Порой мы думаем о том, что происходящие с нами события волнуют только наши сердца, но на самом деле они получают отклик в сердцах миллионов других людей, заставляя их сопереживать и совершать добрые дела, меняя мир к лучшему.

И я подумала, что, возможно, и мою грустную историю кто-то найдёт поучительной. Кто-то оглянется на свою жизнь и одумается, переосмыслив свои поступки. И если кому-то мои записи помогут оценить своё поведение и позволят исправить то, что ещё можно исправить, что ж, значит, я не зря села за компьютер и не зря лила слёзы, набивая эти строчки.

Часть

I

Как всё было

Есть один прекрасный фильм. Называется «Правила виноделов». Так вот. Действие основной части этого фильма происходит в сиротском приюте, который по совместительству является медицинским центром для беременных женщин. И в одной из сцен этого фильма мальчик-сирота, которого мать бросила сразу же после рождения, рассказывает приятелю о том, что хочет найти свою мать и показать ей, как хорошо он научился водить автомобиль.

Просматривая каждый раз этот эпизод, я всегда думаю о том, как же герой не понимает бессмысленность своего желания. Ведь если мать бросила своего ребёнка, то естественно, что его судьба ей глубоко безразлична. И поэтому те или иные достижения мальчика её так же мало волнуют, как и его проблемы и горести. И всё потому, что он ей не нужен.

Да, осознавать это очень больно, но ничего с этим не поделаешь. С этим нужно смириться и жить дальше, не пытаясь доказать женщине, родившей тебя и в тот же миг забывшей о твоём существовании, что ты достоин её любви.

Но, как говорится, чужую беду руками разведу. А вот свою собственную...

Ведь, по сути, у меня аналогичная ситуация. Официально, конечно, родители меня не бросали. Я знала, что они у меня есть, да только от этого знания мне было не лучше, а наоборот, хуже. Быть изгоем в собственном доме при живых родителях – судьба не из лёгких. Но я точно так же, как и этот бедный мальчик из фильма, всё время пыталась доказать людям, которые родили меня на свет Божий, что я достойна их любви и внимания. И что я очень в них нуждаюсь. Но только всё было напрасно. Мои достижения они использовали как повод для собственной гордости, а не для признания моих заслуг. Зачем нужно было меня хвалить, когда имелся хоть малейший повод унижить меня и наказать? А если такого повода не находилось, его всегда можно было придумать, чтобы выместить на мне, и без того забитой и поруганной, всю свою ненависть. Но я не видела этого и продолжала в клювике приносить им свои подвиги, надеясь однажды услышать доброе слово. Но этого не случалось. Всё повторялось снова и снова. Мне внушалось, что я – глупая и никчёмная неудачница, которая никогда и ничего не добьётся в жизни. А я продолжала проглатывать обиды и приносить им на блюдечке с голубой каёмочкой свои успехи, свои подарки. И даже когда мне исполнилось сорок, я всё ещё надеялась заслужить их любовь. И хотя за долгие годы своей жизни я уже давно поняла, что родители меня не любят и пытаются всячески вычеркнуть из своей жизни, а все мои добрые намерения заранее обречены на провал, но всё равно не могла успокоиться. Не могла смириться с поражением.

Мне приходилось каждый раз одёргивать себя, когда рука тянулась к телефону, чтобы позвонить родителям. Сжав зубы, я убирала кошелек подальше, когда у меня возникало желание купить им подарок, потому что знала, что это будут выброшенные деньги. Я не нужна своим родителям, как не нужны им мои дети, мои успехи, мои подарки. У них есть, кого любить, о ком заботиться, кем гордиться. Они давно уже забыли о моём существовании, и не нужно им об этом напоминать. Я должна успокоиться и жить дальше. У меня тоже есть, кого любить, о ком заботиться и на кого тратить деньги. У меня есть дети, которые нуждаются во мне и в моей любви. И, по счастью, наши чувства взаимны. Мы – одна команда, которая плечом к плечу идёт по жизненному пути, поддерживая и помогая друг другу. Поэтому я должна освободить свой разум от ненужных пут. Только не получается. Может быть, со временем мне это удастся. Может быть. Может быть.

Возможно когда-то, давным-давно, когда я была ещё новорождённой крохой, родители всё же любили меня и даже заботились, но только я этого не помню. Это было слишком давно, если, конечно, было. Но то, что я помню точно, так это то, что притеснять и ущемлять мои права начали ещё тогда, когда мне едва исполнилось четыре года. В этот период мама снова

забеременела, и радостные родители сообщили мне, что вскоре в нашей семье будет пополнение.

– Кого ты хочешь: братика или сестричку? – спрашивал меня отец.

Признаться, в том возрасте мне было всё равно. Но я подумала, что подружка мне бы не помешала, поэтому ответила:

– Сестричку.

– А почему не братика?

– Потому что девочка лучше, – сказала я, и отец не стал со мной спорить, вероятно, решив, что от моего мнения всё равно ничего не зависит. Впрочем, так оно и было.

У родителей был сменный режим работы, поэтому каждый день кто-нибудь из них был дома, а иногда они бывали дома вместе. Но при этом я всегда была предоставлена сама себе.

Когда родители были дома вдвоём, они всегда подолгу ходили гулять. По два-три часа. Иногда по четыре, что было странно, так как городок, в котором мы жили, был совсем небольшим.

Своей квартиры у нас не было. Была лишь комната в коммуналке и, может быть поэтому родители всё время старались сбежать из неё. Однако меня на свои прогулки они никогда не брали. Если не нужно было идти в детский сад, то я весь день проводила во дворе с местной ребятнёй.

Жили мы очень скромно, если не сказать бедно, и сладкое у нас на столе появлялось крайне редко. По большим праздникам, к которым относились дни рождения родителей, Новый год и 8 марта. Мой день рождения к большим праздникам не относился. Более того, он вообще не относился к праздникам. Но однажды в обычный день родители принесли из магазина три пирожных. Это были самые обычные бисквитные пирожные с кремом за 22 копейки. Но для меня тогда оно казалось роскошнейшим лакомством, вкуснее которого ничего не существовало.

Мама сразу же отправилась на кухню, чтобы вскипятить воду для чая. И я уже предвкушала момент, когда смогу съесть это вкуснейшее пирожное, но тут за мной зашли знакомые ребята с нашего двора.

– Светка, пойдём гулять! – позвали они.

И хотя я никогда не принадлежала к числу домоседов, чудесное лакомство, стоящее в тот момент на столе, манило меня сильнее любых друзей и прогулок. Но тут ко мне подошёл папа.

– Светка, отправляйся-ка гулять! А твоё пирожное подождёт тебя здесь.

Что ж, вода в чайнике всё равно ещё не закипела, и я подумала, что папа прав. У меня есть время немного погулять с ребятами, и, одевшись, я выбежала на улицу.

Я немного побегала с друзьями, покаталась с горки, покачалась на качелях и, нагуляв прекрасный аппетит, вернулась домой к своему пирожному. Но взглянув на стол, я его не увидела. Родители в это время сидели на диване и спокойно смотрели телевизор.

– А где моё пирожное? – удивлённо спросила я, надеясь, что мама просто убрала его в холодильник.

– А его съела твоя сестричка, – спокойным голосом ответила мама, поглаживая свой небольшой живот.

– Но это же было моё пирожное! – не веря услышанному, произнесла я.

– Тебя же не было! – без малейших угрызений совести сказала мама.

– Но вы сами отправили меня гулять! И у тебя было своё пирожное! Зачем было есть моё?

– Потому что твоя сестричка захотела его съесть! – повышая голос, ответила мать. – Я съела одно пирожное за себя и одно за твою сестру. Что тебе здесь непонятно?

– Но это было моё пирожное! – не сдаваясь, настаивала я.

Но родителям, по-видимому, надоело слушать меня, потому что папа встал с дивана, ударил меня по попе за то, что я позволила себе спорить с матерью, и отправил спать.

И в слезах, раздевшись, я легла в кровать. Мне было непонятно поведение родителей. Как они могли взять вещь, принадлежавшую мне, особенно учитывая тот факт, что сладкое мы ели крайне редко. А когда я выросла, то этот поступок родителей начал представлять в моих воспоминаниях в ещё более неприглядном свете.

Я допускаю, что, будучи беременной, маме захотелось съесть что-то вкусненькое. Но почему в таком случае папа не отдал ей свою порцию? Или можно было сходить в магазин ещё раз и, потратив 22 копейки, купить новое пирожное, чтобы не отнимать его у своего ребёнка. Так почему родителям такое решение не пришло в голову? И за что они меня наказали? За то, что я сказала правду?

Впрочем, съеденное пирожное было лишь первым шагом. Можно сказать, даже самым безобидным в той череде боли и унижений, которые мне предстояло вынести в родной семье.

Когда родилась сестра, мне было четыре года и семь месяцев. И хотя, по словам мамы и папы, она была желанным и долгожданным ребёнком, они долго не могли придумать имя для младшей дочери.

Помню, как я сидела на полу, а родители на диване, и все дружно гадали, как бы назвать новорождённую девочку. Отчего-то родители постоянно обращались с этим вопросом ко мне, словно я была самой сведущей в таких делах.

– Мы же сделали это для тебя, – твердили они мне. – Родили тебе сестру, чтобы вы вместе играли, и ты заботилась о ней. Поэтому ты и должна придумать ей имя.

Тогда их логика не казалась мне странной. Проблема заключалась лишь в том, что все предлагаемые мною имена, такие как Лена или Оля, они отвергали, а ничего интереснее я в свои четыре года не могла придумать.

И тут я вспомнила единственную телепередачу, которую смотрела каждый вечер, – «Спокойной ночи, малыши!». В то время ведущей там была тётя Лина (актриса Ангелина Вовк). И поэтому я предложила назвать сестру Линой. На удивление, родители с энтузиазмом приняли эту идею, дав новорождённой дочери имя Ангелина.

Правда, когда я стала взрослой, мама призналась мне, что они не могли придумать имя лишь потому, что были уверены, что родится мальчик. И рождение девочки застало их врасплох. Но при этом мама доверительно добавляла, что в душе она всегда надеялась, что родится ещё одна девочка, потому что с мальчиками слишком много хлопот. Только в этом она никогда не признавалась папе, чтобы не расстраивать его.

Но всё это было потом, а тогда, после рождения сестры, которую родители произвели на свет якобы исключительно для меня, в мои ежедневные обязанности добавился очень важный пункт – необходимость каждый день перед детским садом ходить на молочную кухню.

О том, что в детский сад я всегда ходила одна, думаю, даже и упоминать не стоит. И это при том, что идти приходилось через весь город. Но, по счастью, в советское время автомобильное движение на дорогах было не таким оживлённым, как сейчас, и потому моей безопасности мало что угрожало.

В свою группу я всегда приходила к семи утра и была первой. Но родителям и этого было мало. Они хотели, чтобы из детского сада домой я тоже возвращалась сама, и по этой причине не всегда меня забирали. Но вопреки этому воспитатели не шли на поводу у родителей и не отпускали вечером меня одну. И в те дни, когда за мной никто не приходил, нянечка Вера Павловна отводила меня домой. И каждый раз после этого я получала нагоняй от родителей за то, что не смогла в очередной раз убедить воспитателей отпустить меня из детского сада одну.

И хотя родители старались ежедневно спихивать меня подальше с глаз долой, это не мешало им нагружать меня работой. Поэтому с рождением сестры меня стали будить по утрам в шесть часов, чтобы я успевала перед посещением детского сада сходить на молочную кухню, которая располагалась не рядом с нашим домом, а на полпути в мой детский сад. То есть мой утренний путь увеличивался в два раза. И каждое утро мама вручала мне сумку, в которой было пять чистых стеклянных бутылочек, объёмом 0,2 литра, которые необходимо было сдать и получить взамен другие пять бутылочек, наполненные молоком и закрытые сверху ватой, поэтому нести всё это нужно было крайне аккуратно.

Но это было ещё не всё. Для получения заветных бутылочек на молочной кухне требовалось предъявить ещё и карту с данными ребёнка, на которого врач выписал молоко. А карту эту нужно было выбрать из множества других в картотеке, расположенной здесь же. А читать я в то время ещё не умела, ведь мне не было и пяти лет! Но разве эта проблема могла остановить мою мать, когда вопрос шёл о том, как бы посильнее нагрузить меня работой! Поэтому она вырезала из моей раскраски картинку с изображением заварочного чайника и чашки и наклеила её на карту, чтобы я могла найти её среди остальных.

И вот каждый день, поднимаясь ни свет ни заря, я отправлялась на молочную кухню, чтобы принести матери бутылочки с молоком, а затем шла в детский сад. И так продолжалось несколько лет.

В то время я не воспринимала подобный образ жизни как наказание или какое-то обременительное занятие, потому что я не знала иного. Я полагала, что так живут все дети. И лишь одно в этом образе жизни меня смущало. В отличие от остальных детей у меня никогда не было ощущения безграничного счастья и защищённости, просто потому, что я – ребёнок, и у меня есть дом и родители, которые должны испытывать ко мне чувство любви. Я всегда ощущала себя лишней и ненужной и мечтала поскорее вырасти и уехать из этой семьи, чтобы самой строить свою жизнь так, как хочется, а не так, как кому-то надо.

Когда мне было лет пять, произошёл такой случай. Даже в глубоком детстве я не писалась в постель, но однажды такая неприятность всё же случилась. Ночью мне очень захотелось в туалет, но я так крепко спала, что не просыпалась. К тому же мне снился сон. И во сне я тоже очень сильно хотела в туалет. Я бегала и искала, где можно было бы справить нужду, и наконец нашла. И, расслабившись, написала прямо в постель, от чего сразу же проснулась и рассказала о случившемся маме.

Я думала, она будет меня ругать или как обычно накажет. Но ничего такого не случилось. Она просто велела мне снять мокрые трусы и заявила, что в сад я пойду без них, в одних колготках.

В тот момент мне показалось, что я легко отделалась, но самое неприятное ждало меня впереди.

А начать следует с того, что колготки были жутко дырявые, с огромными дырами, которые мама никогда не зашивала. И потому через них всё было видно. И когда в детском саду настало время тихого часа, и все дети начали раздеваться, я поняла, что не могу этого сделать. И тогда я подошла к воспитательнице и тихим голосом объяснила ей свою ситуацию. И мне разрешили спать в колготках. Но ложиться спать в дырявых колготках было всё равно, что делать это голышом. Мальчики смеялись надо мной, а потом, после тихого часа, они стали подходить ко мне и задирали платье, чтобы снова посмеяться.

Мне было жутко стыдно и безумно хотелось, чтобы этот день поскорее закончился. Но я ни на секунду не винила в произошедшем свою мать. Я считала, что сама виновата в том, что описалась. И все последующие события воспринимала как заслуженное наказание. Но теперь, спустя десятилетия и став матерью, я не могу понять, как могла моя мама так поступить. Я бы

ни в жизнь не отпустила бы своего ребёнка в детский сад без трусов. И уж тем более никогда бы не позволила своим детям ходить в дырявой одежде.

Неужели моей матери так сложно было взять в руки нитку с иглой и зашить эти несчастные колготки, если уж не хотелось покупать новые? И почему она не одела мне чистые трусы? Может быть, потому что их просто не было? Может быть, в то время у меня был всего лишь один комплект белья? Не знаю, да сейчас это и невозможно выяснить, потому что если я задам матери этот вопрос, она попросту соврёт, чтобы в очередной раз обмануть не только меня, но и себя. Так что единственное, что мне остаётся сделать, так это просто констатировать факт того, что однажды мать отправила меня в детский сад без трусов, и мне пришлось пережить из-за этого кучу унижений от других детей.

Я очень рано начала сочинять стихи. Слова сами собой складывались в рифмы, и мне, конечно же, хотелось с кем-нибудь поделиться этим открытием. И сначала я поведала об этом своей подруге Алле, которая одобрила моё творчество и предложила поделиться этой новостью с мамой. И я понимала, что она права, и родителей всегда нужно ставить в известность обо всём, что происходит с их ребёнком, но я и представить себе не могла, чтобы мама захотела выслушать меня. Мы никогда не вели с ней душевных бесед или вообще каких-либо разговоров. Складывалось впечатление, что в нашей семье каждый существует сам по себе, не делясь друг с другом чувствами, эмоциями или переживаниями. Словно роботы, мы приходили домой, выполняли свои домашние обязанности, ничего не обсуждая и не советуясь друг с другом, а затем в 21.00 смотрели по телевизору программу «Время», по окончании которой ложились спать. А утром всё начиналось сначала. Поэтому я даже не знала, какое выбрать время для беседы с мамой.

И вот в один прекрасный день момент всё же был выбран. Мама что-то стирала, но это не остановило меня, потому что иного способа поговорить с ней не было: я и так редко бывала дома, а обсуждать своё творчество при папе не хотелось. Поэтому собравшись с духом, я произнесла:

– Мама, послушай. Я написала стихи.
И прочла.

*Мишка разнолапый по лесу идёт.
Мишка раноплапый песенки поёт.
Мишка разнолапый лучше всех друзей.
Мишка разнолапый съел картофелей.*

Сейчас, спустя годы, я вижу, что это всего лишь вольная интерпретация известного детского стихотворения, но тогда мне было только пять лет, и в моей жизни это был первый творческий опыт, и потому я никак не ожидала со стороны своей матери той реакции, которая последовала, когда она услышала мои стихи. Она сказала:

– Хорошо, – и продолжила стирать.

Ни похвалы, не оваций, ни критики. Ничего. Словно я говорила со стеной. Не удивительно, что я так долго не могла решиться на этот разговор, который в итоге так ни к чему и не привёл. А ведь когда-то давно моя мать сама писала стихи. Я узнала об этом от бабушки, с которой мы часто вели душевные беседы. Бабушка говорила, что в школьные годы мама много сочиняла, но потом перед замужеством всё сожгла, чтобы папа не смог это прочесть. И лишь одно стихотворение она оставила и даже записала в своей телефонной книжке на первом листе, практически для всеобщего обозрения. И конечно, я его читала, как думаю и остальные члены нашей семьи. Дословно привести его сейчас не смогу, всё-таки прошло много лет, но смысл стиха был такой: «Если тебе довелось родиться женщиной, то вертись и крутись, но

выполняй всё, что нужно твоему мужу». Вероятно, она нарочно выставила это стихотворение напоказ, для того чтобы папа, в первую очередь, а в остальную – мы с сестрой, поняли её жизненную позицию. Что ж, это и так было очевидно. Можно было и не писать об этом.

Но обиднее всего в этой ситуации было мне, потому что я надеялась, что мама разглядит во мне родственную душу и, возможно, станет относиться ко мне чуть-чуть теплее. Но этого не случилось. Потому что ей было всё равно. И в тот момент я поняла, что доверять свои секреты матери – пустое дело. Проще произнести о своих проблемах вслух в пустой комнате – эффект будет такой же.

Едва сестра вышла из грудничкового возраста, как её сразу же перевели на моё попечение. Меня постоянно оставляли с ней вдвоём дома и, естественно, гулять с ней должна была тоже я.

Однажды, когда мне было шесть с половиной лет, а сестре, соответственно, почти два, родители в очередной раз спихнули Лину на меня. Но в тот день в детском саду я договорилась вечером пойти погулять с подружкой по имени Лиля, которая жила в соседнем доме. И, по нашей с ней договорённости, я должна была зайти за Лилей. Но стоило мне сказать об этом родителям, как они тут же вспыхнули:

– А с Линулинкой кто гулять будет?

– Но можно мне хотя бы дойти до Лили и сказать ей, что я не смогу сегодня к ней зайти? Она ведь будет ждать меня! – умоляла я родителей, но они были непреклонны.

Мне вручили сестру, и я должна была её развлекать до тех пор, пока не наступит время ложиться спать.

И чтобы окончательно прояснить ситуацию, отмечу, что родители в этот момент были дома, и никаких важных дел у них не было.

Но, чтобы не подводить подругу, которая ждала меня, я решила поступить следующим образом. Взяв Лину за руку, дойти до квартиры Лили, которая располагалась на первом этаже соседнего дома, и сообщить подруге, что планы изменились. Но осуществить это было не так-то просто, потому что на нашем пути находилась песочница, увидев которую Лина тут же приземлилась в неё и начала возиться в песке. И как я не старалась поднять сестру, мне это не удавалось. Тогда я сказала ей:

– Посиди здесь, а я добежу до Лили и скажу ей, что мы с тобой будем играть в песочнице, и если она захочет к нам прийти, то сможет найти нас здесь. Только никуда не уходи! Поняла?

Но Лина ничего не ответила. Она вообще ничего не говорила, потому что родители никогда не считали нужным заниматься с ней.

И вот сломя голову я помчалась к Лиле. Постучалась к ней в дверь и с ходу выпалила заготовленные слова и даже не стала ждать, что она мне ответит. Я развернулась и опрометью помчалась к сестре. Но её там не было.

Сердце у меня упало. Я отсутствовала, максимум, минуты две. Может, меньше. Так куда же могла деться моя двухлетняя сестра? И я подумала, что, возможно, она вернулась домой, потому что другого маршрута она в принципе не знала. И хотя я ужасно боялась появиться дома без сестры, так как знала, что родители меня тотчас четвертуют, выбора у меня не было.

Мы жили тоже на первом этаже, и я влетела домой, застав родителей сидящими за столом и преспокойно пьющими чай.

– Лина не приходила? – испуганно произнесла я, заранее зная ответ, потому что сестры в комнате не было.

– Она же должна быть с тобой! – заявила мама.

– Но я отбежала на минуточку, чтобы предупредить Лилю, что я не смогу с ней сегодня погулять, так как должна следить за сестрой. А Лина была в это время в песочнице. Но когда

я вернулась, её там не было, – выпалила я, надеясь, что родители наконец-то оторвутся от чаепития и подключатся к поискам младшей дочери.

Как бы не так! Родители даже не выпустили кружек из рук.

– Сама потеряла, сама и ищи! – грозно произнёс папа. – И без сестры домой не возвращайся!

Я даже не поверила своим ушам. Даже в том возрасте я догадывалась, что родители как-то иначе должны реагировать на информацию о потере ребёнка. Я бы даже согласилась понести наказание, но при условии, что родители помогут мне искать Лину. Но они даже не встали из-за стола! Что-то здесь явно было не так, и в моём мировосприятии произошли сдвиги, подрывающие основы и ценность семьи. Но рассуждать было некогда, поэтому я снова выбежала на улицу и начала исследовать близлежащие дворы. И в третьем по счёту дворе я обнаружила Лину, стоящую у скамейки, на которой сидели местные бабушки.

Обрадовавшись, я подбежала к ним и сообщила старушкам:

– Это моя сестра! – и, взяв Лину за руку, хотела увести её домой.

– Что же ты так плохо следишь за сестрой! – начали отчитывать меня старушки.

– Да я только на минутку оставила её в песочнице, а она убежала! – оправдывалась я.

– А где же ваши родители? – снова поинтересовались бабульки.

– Дома. Чай пьют, – ответила я.

– И они не знают, что их ребёнок потерялся? – продолжали местные сплетницы выведывать у меня подробности случившегося.

– Знают. Я им сказала. Но они велели мне самой искать сестру.

– А мы увидели, что маленькая девочка идёт по улице одна, – начали старушки рассказывать мне свою версию событий, – остановили её и стали расспрашивать, где она живёт, и как её зовут. Хотели отвести домой. Но она всё время молчит.

– Её зовут Лина, и живём мы вон в том доме! – сказала я, показав рукой в сторону нашего жилища.

– Ну забирай свою сестру и в следующий раз не оставляй её одну! – сказали мне бабульки, прощаясь с нами.

И я крепко сжала руку сестры и повела её домой. Гулять мне больше не хотелось, да и родителям нужно было доложить, что всё в порядке.

Признаться, я думала, что меня убьют за этот проступок, и морально уже приготовилась к самому чудовищному наказанию, которое только могла породить извращённая фантазия моих родителей, но, на удивление, меня не стали бить, ставить в угол или ещё каким-то образом подвергать пыткам. Меня отчитали, но на этом всё закончилось. А я поняла, что теперь Лину и на секунду нельзя оставлять одну, потому что никто не знает, что происходит в её голове, потому что своими мыслями она ни с кем не делится.

В детстве я жутко боялась смерти. Хотя обычно к человеку подобный страх приходит в зрелом возрасте, а у меня произошло всё наоборот. Сейчас я абсолютно равнодушно отношусь к данной перспективе, но когда мне было лет пять, это был самый большой мой страх.

Днём я его не чувствовала. Когда кругом светло и мозги постоянно чем-то заняты, нет места для тёмных мыслей. Но когда наступала ночь, и все ложились спать, а вокруг была крошечная тьма и звенящая тишина, мне казалось, что я физически начинаю ощущать ту пустоту, в которую сваливается человек после смерти, когда вокруг нет ничего: ни света, ни звука, ни мыслей, ни воспоминаний. Лишь пустота. И тогда меня охватывала дрожь, а сердце сжималось в крошечный комок. Воздуха не хватало и хотелось кричать, чтобы тотчас разорвать эту пустоту в клочья. И я начинала плакать, надеясь, что родители услышат меня и подойдут, чтобы успокоить. Ведь мы все спали в одной комнате, и они не могли не замечать, что со мной творится. Но ко мне никто не подходил.

Тогда я сама вставала с кровати и шла к родителям.

– Мне страшно, – дрожащим голосом говорила я.

– По заднице получить захотела? – недовольным голосом отвечал отец. – Давай живо в постель! Спать!

И понимая, что никаких слов утешения от родителей я не услышу, я возвращалась в кровать, забиралась под одеяло и продолжала дрожать, пытаюсь справиться со страхом.

Сейчас, когда я в каком-нибудь кинофильме вижу, как ребёнка, которому страшно, родители берут к себе в постель, то воспринимаю это как какую-то заоблачную фантазию, утопию, которой нет места в реальной жизни.

Моя мама никогда не пускала меня к себе в постель, даже когда спала одна. Даже когда мы гостили у родственников и спальных мест не хватало. В таких случаях я спала либо на полу, либо с кем-нибудь из родственников, у которых мы гостили. Мама же всегда спала либо одна, либо с папой, иногда с Линой. Но со мной – никогда.

Более того, родители никогда не обнимали и не целовали меня. Единственной причиной, по которой они могли прикоснуться ко мне, было стремление ударить меня. Из-за этого долгие годы, когда кто-нибудь из друзей или родственников пытался обнять меня, я шарахалась от него, словно от прокажённого, вызывая тем самым кучу неловких ситуаций. Признаться, я даже мужу не позволяла лишний раз прикасаться ко мне, потому что для меня подобное проявление эмоций было сродни чудовищному домогательству.

И только годам, наверное, к тридцати шести, когда родители совершенно растеряли в моих глазах остатки авторитета, и наше общение свелось к минимуму, а друзья и коллеги, наоборот, фактически стали для меня членами семьи, я перестала шарахаться от людей при каждом прикосновении.

Впрочем, не только родительское пренебрежение способствовало развитию моих страхов. В советское время по телевидению постоянно шли военные фильмы, в финале которых герои мужественно погибали за Родину. А советская пропаганда внушала всем и каждому, что наша страна мужественно противостоит всему миру, который в погоне за лёгкой наживой готов в любой момент уничтожить наше светлое будущее, и наше правое дело – до последней капли крови отстаивать свои социалистические завоевания. И страх предстоящей войны и неминуемости новых жертв настолько сильно проникал в наше сознание, что все были морально готовы к тому, что в любой момент со всех сторон на нас могут напасть интервенты, и нужно будет дать им дружный отпор любой ценой. И если бы у меня было две жизни, одну из них я бы непременно отдала за Родину. Но, к сожалению, возможно, другого шанса вернуться на эту землю у меня не будет, и потому мне совершенно не хотелось мужественно погибать в расцвете лет, возвращаясь в звенящую пустоту, из которой не будет выхода. И я боялась. Очень боялась.

Но обстановка в стране, как нарочно, способствовала тому, чтобы как можно сильнее подорвать мою детскую психику.

Когда я училась во втором классе, умер Леонид Ильич Брежнев. И в холле нашей школы установили в траурной рамке огромный портрет этого Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза. А в день похорон Брежнева были отменены все уроки, а ученики отпущены домой с одним условием: сидеть дома и смотреть по телевизору торжественные похороны руководителя нашей страны.

Ослушаться я не посмела, но сидеть дома и одной несколько часов смотреть похороны, потому что мои родители не собирались заниматься подобным патриотизмом, я не могла и потому пошла в гости к своей подруге Алле. И под включённый телевизор мы несколько часов играли, одним глазом поглядывая в сторону экрана.

А через год с небольшим умер новый Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза – Юрий Владимирович Андропов. И снова на несколько дней в холле школы

появился огромный портрет в траурной рамке, и на учеников возложили новые обязательства по просмотру похорон Андропова.

Ещё через год умер Константин Устинович Черненко, очередной Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза. Новый портрет в траурной рамке в холле школы и новые похороны, которые требовалось смотреть.

А когда очередным Генеральным секретарём Коммунистической партии Советского Союза избрали Михаила Сергеевича Горбачёва, то узнав об этом, первым вопросом, который я, затаив дыхание, задала родителям, был следующий:

– Сколько ему лет?

– Пятьдесят четыре, – ответила мама.

– Ух, – облегчённо выдохнула я. – Этот ещё поживёт.

А ещё в школе нас периодически (обычно в канун каких-либо государственных праздников) водили в кинотеатр, где заставляли смотреть патриотические фильмы, которые неизменно заканчивались гибелью главных героев. Порой я даже сидела с закрытыми глазами, чтобы не видеть пыток и героической гибели персонажей фильма. И лишь однажды, видимо по ошибке, нас повели на кинофильм под названием «Тайна чёрных дроздов», который оказался экранизацией романа Агаты Кристи.

Мы смотрели этот фильм, переглядываясь друг с другом. Каким это чудом нам показали не очередную патриотическую ленту с трагическим финалом, а детективную историю, пусть даже и с убийствами? Ведь душегубства в романе Агаты Кристи ни в какое сравнение не могли идти с кинокадрами мучительных зверств, которым подвергались советские люди во времена Великой Отечественной войны.

А когда мы стали старше, то нас вообще перестали водить в кинотеатр. Но мы не очень-то от этого страдали. Особенно я, которая лишь радовалась этому факту.

Анализируя это, невольно на ум приходит история Влада Цепеша, отец которого отдал обоих своих сыновей турецкому султану в качестве заложников с тем, чтобы в случае нападения Румынии на Турцию, султан мог убить наследников румынского престола. И для острастки юного Влада Цепеша каждый день заставляли смотреть на пытки и казни заключённых, чтобы он знал, что ждёт его в будущем, если отец не поддержит соглашение о перемирии. И эти страшные сцены так сильно повлияли на психику наследника румынского престола, что когда мальчик вырос и вернулся в родную страну, то стал самым жестоким правителем своего времени, который безо всякого сожаления расправлялся со своими врагами, подвергая их мучительным пыткам и страшным казням. Особенно досталось от него туркам, которых он истязал без пощады.

Недаром именно этого правителя ирландский писатель Брэм Стокер сделал прообразом своего знаменитого графа Дракулы.

Именно поэтому складывалось впечатление, что нас, детей, родившихся в Советском Союзе, с малолетства морально готовили к тому, чтобы мы, став взрослыми, могли без малейших угрызений совести беспощадно расправляться с врагом, зная, какие мучения в годы Великой Отечественной войны довелось пережить нашим соотечественникам.

И хотя сейчас мои страхи прошли, я до сих пор не могу спать в комнате с зашторенными окнами. А если мне приходится ночевать в незнакомом месте, то я всегда оставляю на ночь включённым хоть один светильник.

И ещё. Именно из-за своих страхов я до сих пор проживаю каждый свой день как последний. Я никогда и ничего не откладываю на завтра, и тем более на послезавтра. Если хочу что-то сказать, то говорю прямо сейчас, а если хочу что-то сделать, то иду и делаю, чтобы потом не жалеть о том, что упустила подходящий момент. Даже если мне бывает страшно или даже очень страшно, я говорю себе:

– Света, просто сделай это.

Многие считают, что я – смелая и решительная. Мне часто говорят об этом даже мало-знакомые люди. Наверное, они думают, что в моём сердце полно отваги и мужества, которые позволяют мне с лёгкостью совершать такие поступки, на которые мало кто решится. Но это не так. Просто я боюсь, что если я не сделаю этого сегодня, то завтра у меня такого шанса не будет, потому что всё может закончиться в любой момент. И что тогда я скажу Создателю, представ перед ним? Что я пряталась от жизни за своими комплексами? Думаю, такая отговорка не прокатит. Вдруг эта жизнь и есть мой второй шанс? В таком случае разве я имею право отказываться от этого дара и спускать его в мусоропровод? Да, мне не повезло с родителями, не повезло с сестрой и даже не повезло с мужем, но это не значит, что я должна сдаться на чью-то милость, позволив изголодавшимся гиенам растерзать мою бrenную плоть. Я должна идти дальше, как бы не был тернист мой путь, и сколько бы ран я не получила на своём пути. Потому что это – мой долг. И, в первую очередь, долг перед самой собой.

Когда родители собирали меня в первый класс, то купили мне жутко громоздкий некрасивый коричневый портфель, который был похож на одну из тех больших мужских сумок, с которыми взрослые дяденьки ходили на работу. Хотя я очень сильно просила купить ранец. И когда я увидела то, с чем мне предстояло каждый день ходить в школу, то пришла в ужас.

– Мы с папой всегда мечтали ходить в школу именно с таким портфелем, – авторитетно заявила мама, заметив моё недовольство.

– Но это – вы, а это – я! Я хочу ранец! Он удобнее!

– Хватит спорить с родителями! Будешь ходить с тем, что тебе купили! – отрезала мама, прекращая спор.

И вот настал день первого сентября. Обычно все родители стараются в этот день отпроситься с работы и отвести детей в школу, чтобы вместе присутствовать на праздничной линейке. Но моя мама постарались сделать всё, чтобы этот день не стал для меня праздничным.

Утром она кое-как завязала мне бант и отправила в школу одну под предлогом, что Лину нужно вести в детский сад.

Чтобы лучше прояснить ситуацию, сообщу, что в нашем маленьком городке школа и детский сад находились рядом, через забор. То есть при желании оба мероприятия можно было совместить без малейшей потери времени. Но зачем же утруждать себя, когда есть возможность спихнуть старшего ребёнка с глаз долой? И потому я пошла в первый класс одна.

И я была такая одна: безродная сиротка, рядом с которой никого не было. Впрочем, и после первого сентября я тоже ходила в школу одна. Только потом это перестало быть для меня обидным. Я привыкла к тому, что родителей абсолютно не интересует моя жизнь.

А со злосчастным портфелем произошла следующая история.

Когда я пошла в школу, сестре было два с половиной года. И поскольку родители её баловали до невозможности, то она резонно полагала, что ей можно всё. Она могла хулиганить, сколько ей вздумается, могла даже порвать мою школьную тетрадь или даже учебник, и за это ей не только ничего не было, но ещё это становилось поводом для того, чтобы наказать меня под тем предлогом, что, во-первых, я плохо следила за своими вещами, а во-вторых, мало уделяла времени сестре, и потому ей ничего не оставалось, как рвать мои тетради и учебники.

Но любимым занятием Лины было залезть в мой необхватный портфель и елозить там, пока не надоест. И если я пыталась помешать сестре это делать, то Лина мгновенно начинала реветь, и папа, не разбираясь, в чём дело, тут же доставал ремень и бил меня. И во избежание постоянных наказаний я приноровилась сразу же по возвращении домой вынимать из портфеля все свои школьные принадлежности, чтобы у Лины была возможность вдоволь наиграться. И к концу учебного года портфель был в таком ужасном состоянии, что продолжать ходить с ним было невозможно. Лина оторвала от него всё, что только можно было оторвать,

в том числе ручку и накладные карманы. Боковые швы разошлись, и это был уже не портфель, а какое-то нищенское убожество.

И если бы портфель порвала я сама, то, наверное, родители всё равно заставили бы меня ходить с ним до окончания школы. В наказание. Но это сделала их любимая Линулинка-золотулинка, поэтому им пришлось раскошелиться и купить мне новую школьную сумку. И в этот раз они решили учесть моё желание и купили ранец, с которым я проходила ровно три года. Затем я три года ходила в школу со спортивной сумкой через плечо, а последние три года у меня была вместительная дамская сумка из кожзаменителя чёрного цвета. На более частую смену школьных сумок родители не могли заставить себя раскошелиться.

Мне всегда было больно признаваться в том, что мои дни рождения не праздновались, и подарков мне, естественно, никто не дарил.

Я родилась в середине августа, и день моего рождения всегда проходил как обычный будничным день без гостей, без праздничного торта, без свечей и загадывания желаний.

Утром, как обычно, все просыпались, завтракали, потом занимались своими делами, а вечером ложились спать, и никто не вспоминал или не хотел вспоминать, что сегодня у их ребёнка праздник. Удивительно, что я сама ещё об этом помнила.

А когда я чуть подросла, то меня благополучно спихивали на всё лето к бабушке в деревню, и проблема с празднованием дня рождения отпадала сама собой. И как бы я не просила родителей забрать меня из деревни чуть пораньше, чтобы иметь возможность отметить свой день рождения с друзьями, родители никогда не выполняли этой просьбы, хотя всегда клятвенно обещали мне сделать это.

А когда родилась моя сестра, то она тотчас превратилась в пуп земли, в центр вселенной, вокруг которого всё движется и крутится. Например, она никогда не донашивала мою одежду, ей покупали только новое. А её день рождения сразу же стал в нашей семье национальным праздником, на который всегда приглашались знакомые и родственники. Но родителям и этого было мало. Они могли потратить целую зарплату на подарки для своей младшей дочери. Я же на этих праздниках исполняла роль Золушки, выполнявшей всю чёрную работу.

В день рождения Лины, который был в конце марта, мне надлежало ранним утром идти в магазин за продуктами, а по возвращении я должна была заниматься приготовлением праздничных блюд, включая выпечку именинного торта. Затем я убирала квартиру, выносила мусор, наводя чистоту к приёму гостей, пока родители занимались закупкой подарков и подготовкой именинницы к празднику, на котором мне не было места, потому что очень часто после завершения работы меня отправляли гулять, чтобы не мешать остальным веселиться.

Когда я спрашивала маму, почему день рождения сестры празднуется всегда, а мой – никогда, то получала следующий ответ:

– Мы празднуем день рождения Линулилки потому, что он после зарплаты, а твой до. И поэтому у нас просто нет денег на празднование твоего дня рождения.

Тогда, в детстве, этот аргумент казался мне убедительным. Но когда я сама стала зарабатывать, то поняла, что слова матери были лишь пустой отговоркой, прикрывавшей нежелание устраивать для меня праздник. Ведь так легко отложить требуемую сумму заранее, чтобы иметь возможность потратить её в нужный день для своего ребёнка. Тем более что в советское время достаточно было пяти рублей, чтобы устроить праздничный стол. Так что даже мои небогатые родители могли бы себе такое позволить.

Те же правила действовали и во время остальных праздников. До рождения сестры мне подарки не дарились вообще. Ни на Новый год, ни на 8 марта, никогда. Да что уж там говорить, в детстве у меня было только три игрушки: заяц, мишка и тигрёнок. И ни одной куклы. Даже целлулоидного пупсика не было. А уж как я просила родителей в 1980 году купить олимпийского мишку! Игрушка размером в сорок сантиметров стоила тогда рублей семь. И это было

дороговато, но ведь и Олимпиада в нашей стране тоже проводится не каждый год. Я до сих пор не могу понять, почему они тогда не купили олимпийского мишку. Пусть даже не мне, а просто на память в качестве сувенира, при взгляде на который можно было бы каждый раз испытывать гордость за нашу страну.

И когда в 2012 году олимпийские игры проходили в городе Сочи, я не стала повторять ошибок своих родителей и купила своему сыну, который тогда был в том же возрасте, что и я в московскую Олимпиаду, двух мишек, дочери – зайку, и вообще множество других сувениров с олимпийской атрибутикой.

И, возвращаясь к теме подарков и праздников, скажу, что после рождения Лины родители поняли, что они не могут оставлять свою младшую дочь без подарков по каждому поводу и нашли очень простой выход. В праздничный день Лине вручалась целая куча подарков (одним они никогда не ограничивались), стоимостью в половину их зарплаты, а то и больше. А мне вручался, к примеру, календарик, стоимостью пять копеек, или же открытка такой же стоимости.

Такая откровенная дискриминация, конечно же, задевала меня, и я снова обращалась к маме с вопросом:

– Скажи, пожалуйста, а почему Лине вы дарите много дорогих подарков, а мне всего лишь одну открытку? Ведь если у вас хватает денег на то, чтобы купить Лине несколько подарков, то почему бы часть этих денег не потратить на меня?

И мама отвечала:

– А мы и не собирались Линулинке покупать много подарков! Мы купили ей только куклу и хотели этим ограничиться. Но потом в магазине совершенно случайно увидели красивое платье подходящего размера и решили купить его тоже.

– А почему же вы не купили платье для меня?

– А твоего размера не было. К тому же после покупок для Линулинки деньги у нас закончились, и поэтому тебе мы смогли купить только открытку.

И так было всегда. Когда родители приходили в магазин, то одежды моего размера в продаже никогда не было, а потом деньги у них всегда заканчивались, и потому я оставалась без подарков.

А порой поведение родителей в выборе подарков для нас с сестрой принимало просто абсурдный характер.

В марте 1992 года родители поехали отдыхать в санаторий города Сочи. Естественно, вдвоём. Нас с сестрой они оставили одних. Мне тогда было семнадцать лет, и я уже окончила школу и работала, а Лине было двенадцать.

Честно говоря, решение родителей меня не удивило и даже особо не обременило. К этому времени я абсолютно всю работу по дому делала сама, так что отсутствие мамы и папы в течение четырёх недель никак не отразилось на моём распорядке дня.

И когда родители вернулись, то нашли квартиру и нас с сестрой в полном порядке. И тогда мама стала распаковывать дорожные сумки, то принялась торжественно вручать нам с Линой привезённые гостинцы, которые раздавались по принципу, великолепно продемонстрированному в советском кинофильме «Свадьба в Малиновке»: это мне, это опять мне, это снова мне, ну а это, так уж и быть, тебе.

Лине мама привезла такую кучу сувениров, что та даже не хотела это всё принимать. Там были и декоративные кулоны, и ракушки, и деревянная шкатулка, и бусы, и блокнотики. Вещей было столько, что сестра даже пыталась отказаться от некоторых из них, но мама упорно вкладывала ей всё это в руки, заставляя принять. А когда дошла очередь до меня, то мама неохотно вынула из чемодана маленькое трикотажное платье белого цвета в разноцветную полоску без рукавов. И даже навскидку было видно, что оно не подходило мне по размеру. Но я честно попыталась его надеть.

Несмотря на то, что трикотаж хорошо тянется, ситуацию это не спасло, так как платье было мне конкретно мало. Причём размера на три. А ведь я была отнюдь не пышкой. Я носила 44-й размер, и 38-й не могла на себя натянуть при всём желании.

– Платье мне мало, – произнесла я матери, демонстрируя привезённую обновку.

– Но другого размера не было, – равнодушным голосом ответила мать, даже не глядя в мою сторону и продолжая вручать сувениры Лине.

– Зачем ты тогда его купила? – снова спросила я.

– Но надо же было что-то тебе купить! Если бы мы ничего тебе не привезли, ты бы такую истерику закатила! – недовольным голосом ответила мать.

– Но можно было купить что-нибудь другое! Вот Лине, например, ты привезла столько красивых вещей! Могла бы что-нибудь из них подарить мне.

– Я уже вручила тебе подарок. И нечего заглядываться на вещи сестры!

– Но я не смогу носить это платье! Оно мне мало! – обиженно произнесла я.

– Но если твоего размера не было, что мне оставалось делать? Я взяла то, что было, – не скрывая раздражения, ответила мать, пытаясь как можно быстрее отвязаться от меня.

– Но можно было купить что-то другое, – повторила я.

– А думаешь легко выбрать для тебя подарок? Ты же вечно всем недовольна!

– Конечно! Как я могу быть довольна, когда ты покупаешь мне платье на три размера меньше того, что я ношу? – возмутилась я.

– Вот об этом я сейчас и говорю! – ледяным тоном ответила мать. – Вот посмотри на Линулинку! Что бы я ей не подарила, она всегда довольна! Всегда улыбается и благодарит меня. А ты, вместо того чтобы сказать «спасибо», только ругаешь родителей за то, что они потратили свои деньги тебе на подарок!

– Да, Лина всегда довольна, потому что ей ты даришь только хорошие вещи! И если бы ты мне подарила хотя бы десятую часть того, что вручила сейчас Лине, я бы тоже была очень довольна! – пыталась я достучаться до матери.

– Я так и знала, что ты будешь завидовать сестре! Прямо сердцем чувствовала, что именно так ты и будешь себя вести, когда Линулинка будет получать подарки. И ты ещё удивляешься тому, что у меня нет никакого желания ничего тебе купить?

Да, старая песня на новый лад. Но, признаться, я уже привыкла к отсутствию подарков, равно как и к отсутствию внимания со стороны родителей, и спорила с матерью исключительно по инерции, пытаясь ей логически доказать её неправоту. Но это было бесполезно.

Мама, обидевшись, демонстративно забрала у меня трикотажное платье обратно, чтобы потом отвезти в деревню, куда всеми родственниками регулярно свозился всякий хлам. А я решила пойти иным путём.

Поняв, что разговаривать с матерью не имело никакого смысла, я решила поговорить с сестрой. Тогда ещё она могла вести себя адекватно по отношению ко мне, поэтому я решила прибегнуть к доводам разума.

Заметив, что большая часть привезённых сувениров не представляет для сестры никакого интереса, я попыталась выпросить у неё деревянную шкатулку, которая мне очень понравилась.

Шкатулка была совершенно простая, безо всяких узоров и резьбы, но меня привлёк её размер. В неё было очень удобно складывать письма, а я страсть как любила их писать! Я переписывалась со своими двоюродными сёстрами, переписывалась с девочкой из Германии, чей адрес мне прислали из Комитета международных отношений по делам молодёжи. Потом я состояла в переписке с девочкой из Польши. Кроме того, я переписывалась со всеми подругами, когда они уезжали на юг, и тщательно хранила эту переписку. И всё это добро лежало у меня в старой помятой коробке из-под конфет. И я подумала, что аккуратная шкатулка была бы самым подходящим местом для хранения моей корреспонденции.

И, на удивление, Лина согласилась с моим предложением. Мне даже не пришлось её уговаривать. Она сразу же отдала мне шкатулку, куда и я поместила свою переписку с подругами.

Но я знала, что если мама об этом узнает, то мне ого-го как достанется. Тогда я решила сработать на опережение. В Москве я купила другую шкатулку. Она была гораздо красивее той, которую отдала мне Лина. Но размер новой шкатулки был чуть меньше, и письма туда не помещались. Но поскольку Лина ни с кем не переписывалась, то для неё это не имело значения. И поначалу всё было хорошо. Но моя радость длилась недолго. Вскоре мама заметила подмену. И так как я возвращалась с работы лишь поздно вечером, то она поинтересовалась у Лины, почему в её вещах отсутствует подаренная шкатулка. И Лина честно ответила маме, что мы поменялись. И, на мой взгляд, ничего предосудительно в этом не было. Но не для матери.

Когда я вернулась с работы домой, то обнаружила свою переписку разбросанной и сразу заподозрила неладное.

– Как ты могла отобрать у сестры мой подарок? – набросилась на меня мать.

– Мы поменялись! Я купила ей другую шкатулку, – спокойно ответила я.

– Вот и оставила бы её себе! – продолжала возмущаться мать.

– Но она была меньшего размера, чем нужно! В неё не помещались письма, которые я собиралась там хранить! А для Лины было неважно, какого размера шкатулка!

– Но это же был мой подарок! Как ты посмела отобрать его у Линулинки за моей спиной?

– Но я не отбирала! Мы поменялись! – продолжала оправдываться я.

– Больше не смей прикасаться к вещам сестры! То, что я покупаю для Линулинки, должно оставаться у Линулинки! И убери свои письма, пока я их не выкинула! – пригрозила мать.

Я жутко расстроилась и начала собирать разбросанные письма, чтобы уложить их в полиэтиленовый пакет, так как коробку из-под конфет я успела выкинуть.

Были и другие случаи, когда родители дарили мне несуразные и бесполезные подарки, которые потом ещё и отбирали обратно, в то время как Линулинку осыпали чуть ли не золотым дождём. Так, к примеру, в тринадцать лет у неё уже была шуба из натурального меха кролика. А я вплоть до замужества ходила в дешёвеньком полушубке из искусственного меха. Но всё это было потом, и не причиняло уже столько обиды и боли, как в далёком детстве, когда мать при каждом удобном случае старалась выставить меня неблагодарной дочерью, которая просто не заслуживает ничего хорошего.

В нашем небольшом городке было несколько стадионов, которые зимой превращались в катки. Именно поэтому все жители нашего города повально занимались фигурным катанием, за исключением тех мужчин, которые играли в хоккей.

В светлое время суток в выходные дни мы с друзьями шли к ближайшему стадиону, чтобы посмотреть на самый настоящий хоккей, в который с поразительной энергией и яростью играли взрослые мужчины, экипированные как настоящие спортсмены. А вечером, когда ночная темнота опускалась на землю, вокруг стадионов загорались огни, и начинала играть музыка. И все желающие, а их было ой как много, шли на ближайший каток, чтобы в прекрасном и удивительном танце скользить по льду.

Это было безумно красивое зрелище!

То было время чёрно-белых телевизоров, коричневой школьной формы и чёрно-белых фартуков. Яркие краски практически не присутствовали в нашей жизни. И потому искрящееся волшебство льда, подсвеченное в темноте софитами, и юные фигуристы, танцующие под музыку, всегда создавали радостное настроение, приближающее новогодний праздник.

И конечно же, в нашем городе была секция фигурного катания, но многие учились сами, и от этого их мастерство не становилось хуже.

И я тоже не могла не поддаться очарованию этого красивейшего вида зимнего спорта. Тем более что все мои друзья и подруги с малых лет катались на коньках. Я очень долго просила родителей купить мне коньки, но всегда получала один ответ:

– У нас нет денег.

Тогда я стала просить об этом Деда Мороза. Я делала это из года в год, но никогда не находила под ёлкой не то, что коньков, но и никаких других подарков.

Но однажды свершилось чудо! К этому времени у меня уже появилась сестра, и родители, естественно, никак не могли обойти её новогодним подарком, поэтому они, в кои-то веки, решили сделать подарок и мне. Это были двухполозные коньки, которые необходимо было верёвками привязывать к валенкам.

Увидев это безобразие, я расстроилась, так как у всех моих подруг были красивые белые ботиночки с фигурными лезвиями, на которых они великолепно скользили по льду. Выполнять же пируэты в валенках, к которым верёвками привязаны двойные лезвия, казалось не только не эстетичным, но и весьма сложным занятием.

Мне было всего семь лет, но я мужественно надела на себя валенки, привязала к ним двухполозные коньки и медленно выползла на улицу.

Верите, на льду я не могла сделать ни шагу! Я сразу же падала. Промучившись весь вечер и отбив бока, я вернулась домой не солоно хлебавши и больше уже ни разу не ходила на каток и даже не просила купить новые коньки, потому что знала, каков будет ответ родителей. Но когда сестра стала подрастать, родители сразу же купили ей красивейшие коньки. Такие, какие я видела на своих подругах: белые ботиночки и фигурные лезвия. Затем родители записали Лину в секцию фигурного катания, которая, к слову, была платной, и это позволило ей присоединиться к тем ослепительным красавицам, которые каждый вечер под музыку танцевали на льду, восхищая собой зрителей на трибунах.

По мере того, как увеличивался размер ноги Лины, родители обновляли ей коньки, что позволило сестре заниматься фигурным катанием вплоть до окончания школы. А мне оставалось лишь с сожалением наблюдать, как моя сестра, совершенно не испытывавшая страсти к фигурному катанию, из-под палки ходит на нелюбимые занятия, тогда как я была лишена этого.

Та же история случилась и с музыкальной школой.

По иронии судьбы у меня прекрасный голос, позволяющий мне с лёгкостью брать самые высокие ноты, и абсолютный слух. И вследствие этого мне, естественно, хотелось заниматься музыкой. С шести лет я умоляла родителей записать меня в музыкальную школу, но всегда слышала традиционный ответ:

– У нас нет денег.

Я очень переживала из-за этого, чувствуя, как годы утекают сквозь пальцы. Все мои подруги, даже самые бесталанные, посещали музыкальную школу, а я лишь смотрела на то, как они с ненавистью играли гаммы и без души нажимали на клавиши пианино, вымучивая заданную мелодию, которую я могла с лёгкостью воспроизвести на слух, потому что не знала нотной грамоты.

Иногда моя подруга Алла пускала меня за своё пианино, и тогда я сразу же повторяла услышанную ранее мелодию исключительно для того, чтобы удивить подругу. Со временем она стала давать мне всё более сложные задания, но я и с ними легко справлялась. Да только разве это могло заменить полноценные занятия в музыкальной школе? К тому же, после пяти лет обучения Алла бросила музыкальную школу, и наши с ней нехитрые занятия прекратились.

Но при этом родители всячески старались дать Лине музыкальное образование. А когда она пошла в первый класс, родители купили для сестры игрушечное пианино. Причём вышло это так.

Моя классная руководительница Анна Мелентьевна была очень энергичной женщиной. Несмотря на то что она взяла наш класс, когда ей уже исполнилось пятьдесят лет, Анна Мелен-

тьевна старалась разнообразить нашу размеренную школьную жизнь различными мероприятиями, которые мы поначалу воспринимали как наказание, но затем оценили по достоинству, поняв, какое благое дело учительница делала для нас, сделав нас самым дружным классом в школе и направив чрезмерную детскую энергию в нужное русло. И за это я буду вечно ей благодарна.

Каждый год мы ходили в походы, ездили в театры, музеи, даже на эстрадные концерты. У нас устраивались различные конкурсы, а к праздничным датам мы готовили показательные выступления. За каждым отстающим учеником был закреплён отличник, обязанный оказывать ему помощь в учёбе. В общем, у нас была очень бурная и насыщенная внеурочная жизнь.

И естественно, на каждое проводимое мероприятие приглашались родители. Но моим маме и папе, по-видимому, было слишком обременительно посещать каждое выступление нашего класса, хотя график их работы без лишних проблем позволял это делать, но им было проще придумать какую-нибудь отговорку, чем порадовать меня своим присутствием.

Но поскольку проводимых мероприятий было очень много, а Анна Мелентьевна была женщиной настойчивой и властной, моим родителям порой приходилось появляться среди присутствующих.

И вот однажды, когда я училась в пятом классе, у нас проводился КВН, приуроченный к празднованию Нового года. Мероприятие проводилось в местном Доме культуры, так что мест там было достаточно для всех, поэтому в зрительный зал мама пришла вместе с Линой. А после окончания проведённого конкурса никто не стал нас выгонять из зала. Все общались, обмениваясь впечатлениями. И в этот момент Лина подошла к роялю, стоящему на сцене, и несколько раз пальцем нажала на клавиши. После чего она потеряла интерес к инструменту и снова вернулась к маме.

Затем все разошлись по домам. А когда мама привела нас с сестрой домой, то сказала, что ей срочно нужно уйти, и оставила нас вдвоём. Через некоторое время она вернулась обратно, и в руках у неё была большая картонная коробка, в которой оказалось игрушечное пианино.

– Линулинка, это – тебе! – радостно вручила мама новую игрушку Лине.

Думаю, если бы в то время в нашей семье были деньги на настоящее пианино, то мама, не задумываясь, купила бы его для своей любимой дочери.

Но сестра даже не взглянула на новую игрушку, продолжив играть в своих кукол. И тогда я решила сама поиграть на пианино.

Я подошла к стоящему на полу инструменту и стала играть знакомые мелодии. Мама услышала это и, вбежав в комнату, отобрала у меня пианино и стала кричать:

– Как ты смеешь играть в игрушки сестры!

– Но она же не хочет, – испуганным голосом прошептала я.

– Значит, потом захочет! Я купила пианино для Линулинки, а не для тебя, так что не смей к нему прикасаться! – продолжала кричать мама, и я поняла, что мне опять указывают на моё место.

В своей родной семье я была бесправной сиротой, а Лина – золотым ребёнком, которому разрешалось всё и прощалось всё.

Мама очень хотела записать Лину в музыкальную школу, но сестра категорически отказывалась туда ходить, и со временем родители перестали настаивать. И лишь я украдкой, когда родителей не было дома, позволяла себе играть на игрушечном пианино сестры, подбирая на слух услышанные мелодии.

Однако когда мне было тринадцать лет, родители, вернувшись со своей традиционной прогулки, внесли в дом гитару и вручили её мне со словами:

– Вот! Теперь ты будешь учиться играть на гитаре!

И хотя в моих мыслях никогда не возникало желания выучиться играть на гитаре, так как я мечтала о возможности играть на пианино, я готова была это сделать, если иного способа

приобщиться к музыке не было. Но родители, как всегда, сказав «А», совершенно не собирались говорить «Б».

Гитара была не настроена, но родителей сей факт совершенно не смущал, так как они заявили, что я должна сама это сделать. Но вот денег на обучение в музыкальной школе или же на оплату уроков частного педагога они, естественно, давать не собирались. Более того, они даже не желали давать мне деньги на покупку самоучителя, но при этом постоянно твердили мне о том, что я – неблагодарная дочь, которая не ценит внимания своих родителей и отказывается учиться играть на гитаре. А на мои доводы о том, что для этого нужны дополнительные денежные средства, отвечали лишь оскорблениями.

Поэтому я кое-как научилась играть одну единственную песню «Во саду ли, в огороде» и то с помощью подруги, которая брала частные уроки игры на гитаре. И конечно же, для родителей это стало ещё одним поводом для того, чтобы при каждом удобном случае поругать меня.

И впоследствии отсутствие музыкального образования перекрыло мне целый ряд возможностей, которыми я непременно бы воспользовалась, будь у меня хоть какие-нибудь музыкальные навыки.

Когда я выросла, то очень хотела принять участие в каком-нибудь музыкальном конкурсе, благо талантами Бог не обделил. Но едва отборочная комиссия узнавала о том, что у меня полностью отсутствует какое-либо музыкальное образование, как мне тут же указывали на дверь, не позволяя даже продемонстрировать свои вокальные данные.

У меня не было ни связей, ни денег, ни соответствующего образования, поэтому путь на музыкальный Олимп мне был закрыт.

Это сейчас у нашего народа появилась прекрасная возможность прорваться в ряды эстрадных звёзд, не имея за душой ничего, кроме таланта. Да только мой поезд уже давно ушёл. И хотя дочь постоянно твердит мне о том, чтобы я попробовала свои силы в «Голосе», я не собираюсь следовать её совету.

Посмотрев в Интернете несколько сезонов «Голоса», я сделала для себя определённые выводы. Конкурсанты, чей возраст перевалил за сорокалетний рубеж, имеют шансы достичь определённых успехов в данной программе лишь в том случае, если ранее они профессионально занимались музыкой. А у самоучек без образования есть возможность чего-то добиться лишь при условии, если они молоды и хороши собой, и впереди у них целая жизнь, чтобы всему научиться. Я же стала бы там аутсайдером, от которого бы избавились при первой возможности.

Конечно, есть и другой вариант. Можно было бы нанять преподавателя, который смог бы обучить меня азам нотной грамоты и помог бы поставить конкурсный номер, с которым я могла бы там выступить. Но, к сожалению, у меня уже пропал интерес к музыке. Это в детстве и в юности я была полна энтузиазма всё испробовать, демонстрируя всему миру свои незаурядные способности, а сейчас мне уже всё равно. Дух покорителя мира, ранее бушевавший во мне, был затоптан теми людьми, с которыми мне не посчастливилось жить, общаться и работать. Я плыву по волнам жизни не как акула, а как планктон, который может быть в любой момент съеден. Очень жаль, но по этой стезе мне не удалось пройти, потому что моим драгоценным родителям была всегда ненавистна мысль, что я могу быть умнее и талантливее их и их обожаемой Линулинки. И потому они старательно зарывали в землю все проблески моих талантов.

Я всё время ходила голодная. И не только потому, что мой организм рос, и ему требовалась еда в качестве строительного материала, а потому что дома меня практически не кормили.

В те дни, когда я посещала детский сад, я питалась только там. А если вечером голод слишком сильно одолевал меня, то мать давала мне головку репчатого лука, как в каком-нибудь средневековье. Другими блюдами меня не баловали.

В отличие от остальных детей я не пробовала ни шоколада, ни конфет, ни иных сладостей. А в те дни, когда я не ходила в детский сад, мой рацион был крайне скуден. Утром чашка чая или кофе и один бутерброд с сыром или колбасой без масла. На обед – тарелка супа без мяса, а на ужин – только картошка или капуста. Мне давали еды ровно столько, чтобы я не умерла с голоду. Причём такой рацион в отношении меня сохранялся ровно до того времени, пока я не вышла замуж и не уехала от родителей. Мать объясняла подобную скупость следующим образом.

– Мясо полагается только папе, потому что он – мужчина. Сладкое – Линулинке, потому что она маленькая.

Маме, по-видимому, полагалось и то, и другое, а мне – ничего. Всю жизнь меня держали на голодной пайке, и я всегда была настолько худой, что мои рёбра можно было легко пересчитать без рентгена.

Да, ещё следует добавить, что чай и кофе наливались мне настолько слабыми, что до двадцати лет я была уверена, что кофе – напиток жёлтого цвета, а не коричневого.

К тому же у мамы была некая причуда в отношении еды. В хлебе она всегда ела только горбушки. Обычные ломти хлеба она ела только после того, как съедала все корочки. Причём никто не спрашивал ни меня, ни Лину, хотим ли мы съесть горбушку. Это был императивный запрет, за нарушение которого наказывали. Естественно, только меня.

Даже если из хлеба оставалась только горбушка, то это означало, что все должны есть суп без хлеба, так как горбушка полагалась маме.

Хотя, признаться, меня задевала подобная дискриминация, так как когда я ходила в детский сад, там горбушки полагались лишь дежурным, что было неким поощрением их труда. К тому же корочку хлеба было гораздо удобней натирать чесноком, чтобы придать хоть какой-то аромат нашей скромной трапезе. Поэтому для меня получение горбушки означало определённое признание заслуг. Но только дома у нас никакой системы поощрений не существовало. Лишь наказания.

Ещё исключительным блюдом мамы был творог и все молочные продукты. Никому из нас не разрешалось их есть. Мама объясняла это следующим образом:

– Когда я вас рожала, то потеряла много зубов. И теперь мне нужно восстанавливать кальций, который я потратила на вас.

И хотя произносимая фраза и не была адресована персонально мне, но произносилась она всегда в отсутствие Лины. Вероятно, чтобы подчеркнуть мою вину. И поскольку это твердилось мне постоянно, я действительно чувствовала себя виноватой, словно самолично вырвала у родной матери часть зубов.

И хотя мне ужасно хотелось хоть раз попробовать творог, я старалась пресекать эти желания и постоянно твердила себе, что это – моё наказание за то, что из-за меня теперь у мамы во рту стоят коронки.

И только когда я сама забеременела, то поняла, какую чушь внушала мне родная мать. Родив двоих детей, я не потеряла ни одного зуба, потому что правильное питание и витамины могут предотвратить появление многих проблем. И кто, спрашивается, мешал моей матери в период беременности есть творог и пить витамины? Думаю, только собственная безалаберность, за которую расплачиваться отчего-то приходилось мне.

Однажды, когда я училась в восьмом классе, на уроке труда мы проходили тему, посвящённую еде и калориям. Учительница продемонстрировала нам таблицу калорий и велела посчитать свой дневной рацион. Нужно было записать в тетрадке всё, что мы съели за день и, соответственно, учесть все калории. А выполненную работу следовало сдать ей на проверку. И, признаться, это задание поставило меня в тупик.

Сначала я честно перечислила в тетради всё то, что съела накануне, и сложила килокалории. Получилось около девятисот. Однако перед выполнением задания учительница предупредила нас, что правильный ответ должен находиться в промежутке между двумя и тремя тысячами килокалорий.

Тогда я стала интересоваться у других девчонок, что вышло у них. И, как назло, абсолютно все укладывались в указанные учительницей рамки. Такого нищенского рациона, как у меня, не было ни у кого.

И тогда я решила пойти на хитрость. Я пополнила свой вчерашний обед якобы съеденной котлетой, а на ужин добавила сосиску. И тогда количество потреблённых килокалорий выросло почти до полутора тысяч.

И хотя эта цифра тоже была меньше требуемой, но врать сильнее мне не позволила совесть. Поэтому я сдала работу в таком виде. И когда на следующем уроке учительница возвращала проверенные работы, то абсолютно все получили за них пятёрки, и только я – четвёрку. И чтобы выяснить причину этого, я подошла после урока к учительнице.

– Света, я просила честно перечислить все продукты, которые были съедены за день, – сказала учительница, глядя через очки на мою работу. – Но твой рацион выглядел чересчур скудно. Девочка твоего возраста не должна есть так мало! Думаю, ты просто забыла указать некоторые продукты. Поэтому я и поставила тебе «четыре».

Да, я действительно солгала в своей работе. Но только не в меньшую сторону, как подумала учительница, а в большую. Интересно, что бы она сказала, если бы узнала об истинном положении дел? Наверное, не поверила бы, как и все остальные. Люди вообще не хотят иметь никакого отношения к чужим бедам, стараясь любым способом абстрагироваться от них, даже если для этого приходится прибегать к самообману.

Я же не стала спорить с учительницей, а лишь убрала свою тетрадь в сумку и пошла на другой урок, так как на душе у меня и без того было мерзко.

Я была такой тощей, что вся одежда висела на мне как на вешалке. Девчонки постоянно твердили мне об этом, но мне не хотелось этого видеть. И лишь сейчас, глядя на свои детские фотоснимки, я вижу то, что видели они. Я реально была тощей: торчащие ключицы, руки и ноги как палки. А когда в школе измеряли наш вес, меньше меня весила лишь одна девочка, у которой был официальный диагноз «дистрофия 2 степени». Пожалуй, только родители не замечали моей нездоровой худобы.

Подобное отношение ко мне родителей невольно вызывало мысли, что я им не родная дочь, и именно поэтому они относятся ко мне как к нелюбимой падчерице. И если бы это было действительно так, то, безусловно, всё бы легко объяснялось. Но, к огромному сожалению, эти мысли не имели под собой никаких фактических оснований. В том, что я – кровь от крови их, плоть от плоти их, не приходилось сомневаться ни секунду просто потому, что внешне я очень сильно похожа на мать. В то же время выющиеся волосы у меня от отца. К тому же по темпераменту я – копия отца. Например, он и пяти минут не может спокойно посидеть на месте. Ему нужно постоянно что-то делать руками. Поэтому он всегда что-то мастерит. И я тоже не могу сидеть без дела даже перед телевизором. Всё время что-то делаю. Готовлю, шью, глажу, – всё что угодно, лишь бы руки были заняты. Как и отец, я общительная и легко завожу новые знакомства. Ну и главное, что объединяет нас, это – бесстрашие. И если отец реализовал себя в профессиональном смысле, став пожарным, то я предпочла заниматься экстремальными видами спорта, в отличие от матери и сестры, для которых любимым времяпрепровождением является просмотр «Дома-2».

И как бы мне не хотелось это признавать, я – дочь своих родителей, которые совершенно не хотят видеть во мне родную кровь. Но когда кто-то из знакомых или незнакомых, увидев меня вместе с матерью, замечал: «Как вы похожи», она всегда отнекивалась и обижалась.

– Да мы совсем не похожи!

Даже не представляете себе, как задевали меня эти слова! Я полагала, что для любого родителя подобное замечание должно восприниматься как комплимент, но, по-видимому, моя мать придерживалась другого мнения по этому поводу.

И с годами наше сходство действительно стало уменьшаться. И однажды, наверное, вовсе сойдёт на нет. По крайней мере, я надеюсь на это, потому что сейчас уже и я не хочу быть хоть в чём-то на неё похожей. И не только в том, как она относится к своим детям, но и внешне.

В отличие от матери, я с ранних лет старалась вести активный образ жизни и заботиться о своём здоровье, насколько, конечно, это было возможно. Я всегда занималась несколькими видами спорта и даже после сорока сохранила стройную фигуру. В то время как для моей матери было достаточно лишь самого факта замужества, чтобы чувствовать себя состоявшейся женщиной. Её тело всегда было рыхлым, а кожа и волосы – неухоженными. Сколько я себя помню, на голове у матери всегда была одна и та же причёска – химическая завивка. Она делала её до тех пор, пока её волосы не стали выпадать, и уже нечего стало накручивать. Она не прокалывала уши и никогда не пользовалась косметикой, как бы я её не уговаривала.

Став старше и начав зарабатывать, я сама стала покупать ей средства для макияжа, но только все мои подарки, видимо, были не ко двору и продолжали пылиться без дела.

Впрочем, я давно заметила, что те женщины, у которых заботливые и любящие мужья, всегда выглядят хуже, чем их подруги, которые неудачно вышли замуж. А всё потому, что нам, горемычным, не за кого прятаться и не на кого опереться, и потому приходится все проблемы решать самой: и деньги зарабатывать, и квартиры выбивать, и путёвки в санатории доставать, и детей в институты устраивать. И для всей этой бурной деятельности нужна подходящая внешность, потому что если ты выглядишь, как кошёлка, то и отношение к тебе будет соответствующее. Вот и приходится каждый божий день стараться выглядеть как супермодель на подиуме. И лишь им, женщинам, счастливым в своём замужестве, можно расслабиться и питаться по вечерам плюшками и булочками, радуя свои желудки, и валяться на диване перед телевизором, просматривая очередную мыльную оперу, а не проводить время в тренажёрном зале.

В детстве меня постоянно били. Редкий день обходился без наказания. Причём меня не просто слегка ударяли по попе или щёлкали по лбу. Это было настоящее ритуальное наказание, которое проводилось по всем правилам. Отец вынимал из брюк ремень, с меня снималась вся одежда ниже пояса, включая трусы, после чего начиналось избиение, пока у отца не уставала рука.

А били меня практически за всё. Стоило сестре захныкать, как отец тут же доставал ремень и бил меня, не разбираясь, в чём дело. Но у нас в семье подразумевалось, что если Лина чем-то недовольна или обижена, то исключительно по моей вине, так как это я обидела сестру. Даже если та просто споткнулась на ровном месте и упала. В этом случае моя вина состояла в том, что я не уследила за сестрой, даже если в этот момент я выполняла какое-то другое родительское поручение.

Так продолжалось до тех пор, пока у меня не установились месячные. И так как они были у меня очень долгими и обильными, и я могла бы залить кровью всю квартиру, если бы отец продолжил в эти дни избивать меня, то родители стали использовать другой способ наказания и унижения, обзывая и оскорбляя меня. Но, скажу честно, это было ещё хуже, чем быть избитой.

Меня били за всё. Приведу пример.

У нас в семье было принято так: когда родители возвращались из магазина домой, я должна была бежать в коридор и забирать у них сумки, что я всегда и делала.

К слову, когда я заканчивала первый класс, мы переехали из коммунальной квартиры в двухкомнатную. В большой комнате размещались родители, а в маленькой – мы с сестрой.

И вот в один из дней родители вернулись домой из магазина, и мама вручила мне литровую банку яблочного пюре, которую требовалось отнести на кухню и поставить на стол. Квар-

тира у нас, как и у всех в советское время, была крошечной, и потому расстояние от коридора до кухни составляло примерно два-три метра. И в тот момент, когда банка яблочного пюре была у меня в руках, подбежала Лина с криками: «Дай, я сама!». При этом мне тогда было где-то лет десять, а сестре, соответственно, пять с половиной. И, прекрасно зная о том, что если я скажу Лине «нет», она тут же начнёт голосить во всё горло, и меня снова побьют ни за что, я решила не нарываться на неприятности и аккуратно вручила банку сестре, искренне полагая, что несколько шагов до кухонного стола она пройти в состоянии. Но я ошиблась. Не пройдя и метра, сестра уронила банку, которая разбилась вдребезги.

Что было дальше, предположить несложно. Папа снял с себя ремень и начал бить меня, а мать стояла рядом и причитала.

– Я так хотела поесть яблочного пюре! Шла домой и всю дорогу мечтала об этом! А ты даже не смогла донести банку до кухни! Как ты могла отдать такую тяжесть Линулинке? Ты же знала, что она – всего лишь ребёнок, и ей нельзя носить тяжёлые вещи!

О том, что я тоже ребёнок, родители, по-видимому, предпочитали не думать.

А когда отец закончил бить меня, я подошла к матери и сказала:

– А если бы я не дала Лине эту банку, и она бы заплакала, вы бы тоже наказали меня?

Она ничего не сказала, а лишь недоумённо посмотрела на меня. Я же продолжила:

– Как бы я не поступила, вы бы в любом случае сочли меня виноватой и наказали.

А для прояснения картины добавлю, что литровая банка яблочного пюре в то время стоила 52 копейки. Поэтому даже человек с очень скромным доходом мог бы позволить себе покупать её каждый день. Но для моей матери это не было аргументом. Наказав меня, она немного успокоилась, а затем они с папой снова сходили в магазин и купили ещё одну банку яблочного пюре. Но только в этот раз меня к покупкам не подпустили.

В пятнадцатом-шестнадцатом веках при английском дворе была такая должность «мальчик для битья». Поскольку принцев, как особ королевских кровей, учителя не имели права наказывать, то для этой цели при наследнике престола всегда находился другой мальчик, которого пороли вместо принца, когда тот не сделал уроки или в чём-то провинился. «Мальчик для битья» часто сам бывал благородных кровей и воспитывался вместе с принцем. Со временем в будущем короле пробуждались чувства эмпатии и сострадания к своему товарищу, которого наказывали за чужую вину, и принц начинал лучше учиться и хорошо себя вести, чтобы его товарищу не пришлось лишний раз получать побои, и, став королём, часто щедро награждал его, даруя титулы и поместья. Но в случае с Линой эффект от подобного метода был прямо противоположным.

Что бы Лина не натворила, наказывали всегда меня. Либо за то, что недосмотрела за сестрой, либо за то, что якобы наобедничала на сестру, сказав: «Это не я!», когда родители, увидев проказы Лины, спрашивали, кто это сделал. И когда я спрашивала родителей, что же я должна говорить, по их мнению, когда они выясняют, кто в квартире нахулиганил, они отвечали одно:

– Ты не должна всё сваливать на сестру!

– Но если это действительно не я! Я вообще была в школе! Что же я должна брать вину Лины на себя?

На что родители отвечали:

– Всё равно! Ты не должна была всё сваливать на сестру!

После чего меня били, чтобы внушить, что я виновата в любом случае.

Полагаю, поначалу Лина не понимала, что меня наказывают вместо неё. Но став старше, она смекнула, как это удобно, и вместо того чтобы проникнуться сочувствием ко мне, она, наоборот, стала всячески пользоваться своим привилегированным положением, сваливая на меня абсолютно все свои проделки и хулиганства, заранее зная, что родители во всём обвинят меня, и даже если я буду оправдываться, они мне никогда не поверят.

Меня постоянно били за оценки. Так, если я приносила из школы какую-нибудь другую оценку, кроме пятёрки, это было поводом для наказания. При этом мама каждый день внушала мне, что она всю жизнь была отличницей и, чтобы получить медаль, ей не хватило совсем чуть-чуть. И они с папой были такими блестящими учениками в своей школе, что мне с ними никогда не сравниться. Но стоило мне попросить их о помощи в каком-нибудь домашнем задании, как тут же слышался ответ:

– Мы с папой окончили школу десять лет назад! Думаешь, мы что-нибудь помним?

Потом слово «десять» изменялось на другую цифру, но ситуация от этого лучше не становилась.

Когда в четвёртом классе нас разделили на группы по языкам, которые нам предстояло изучать, то я, естественно, выбрала немецкий, потому что его учили мои родители. Все остальные ученики нашего класса делали выбор по такому же принципу, для того чтобы потом было к кому обратиться за помощью. Но я жестоко ошиблась.

Родители не помогали мне даже в элементарных заданиях. Впрочем, потом в этом не было необходимости. Я и без их муштры училась хорошо, потому что чем-чем, а мозгами Бог не обидел. Но каково же было моё изумление, когда однажды я нашла их аттестаты и увидела оценки. Оба они были откровенными троечниками! Причём пятёрок в их аттестатах не было вовсе, а четвёрки были лишь по труду и физкультуре. А по остальным предметам были тройки! И это при том, что меня они били за каждую четвёрку! Представляете, что было бы со мной, если бы я приносила домой тройки или, не дай Бог, двойки! Они бы, наверное, убили меня!

И конечно же, я не стала молчать, а подошла к матери с очередным вопросом.

– Мама, ты всегда говорила, что вы с папой были лучшими учениками в школе, и лишь по случайности не получили медали, но в ваших аттестатах стоят одни тройки! Там даже пятёрок нет!

– Да, я всю жизнь была отличницей, – продолжала настаивать мать на своей версии событий. – Но в последний год слегка расслабилась. Подружка часто звала меня на танцы, потому что одна она туда идти не хотела, вот мне и приходилось составлять ей компанию. Поэтому я немного отстала в учёбе.

Да, эта история была настолько сильно притянута за уши, что даже я со своей слепой верой в материнские слова, не могла с ней согласиться. Я прекрасно представляю себе, что такое сельская школа, и как легко там получить хорошую оценку, потому что учителя всегда оказываются родственниками или хорошими знакомыми своих учеников и потому стараются не портить детям аттестаты.

К тому же, знаю по опыту, что если какой-то ученик все время учился хорошо, то последний год его валить не будут. Ему будут продолжать ставить хорошие оценки в память о бывших заслугах. И чтобы какой-то ребёнок, который на протяжении девяти лет был отличником, внезапно окончил школу с одними тройками, это – нонсенс.

Так зачем нужно было врать, приписывая себе несуществующие заслуги? Наверное, чтобы за счёт моего унижения возвыситься самим.

И когда я окончила школу с медалью, я до последнего момента не сообщала родителям об этом, чтобы у них не было возможности порадоваться, потому что их заслуги в этом не было. Я получила медаль не благодаря им, а вопреки. И потому они не имеют права гордиться плодами моих трудов. И дело было даже не в том, что они никогда не помогали мне в учёбе, а в том, в каких условиях мне приходилось делать домашние задания.

Наверное, излишним будет говорить о том, что у меня не только не было своей комнаты, но не было даже своего угла. Только кровать, на которой днём спали мои родители, не удосуживаясь потом даже постирать бельё. Тем самым они заразили меня грибковым заболеванием, от которого я до сих пор не могу до конца вылечиться, хотя потратила на это уйму денег и

прошла через ряд крайне болезненных процедур по удалению ногтей. И ещё в своё оправдание добавлю, что за восемнадцать лет супружеской жизни я не заразила мужа этим заболеванием. Вероятно, из-за моей чистоплотности и постоянно проводимому лечению. Но сейчас речь не об этом.

Из-за отсутствия письменного стола, письменные задания мне приходилось делать на коленях, из-за этого я стала сутулиться, потому что необходимость сидеть несколько часов в неудобном скрюченном положении ничем хорошим никогда не заканчивается.

Я уже упоминала о том, что кто-нибудь из родителей всегда был дома, а порой они оба находились дома. И чтобы не скучать, они всегда включали либо телевизор, либо радио. Естественно, на полную мощность. И мои жалкие попытки снизить уровень шума в квартире под предлогом того, что мне нужно делать уроки, естественно, в расчёт не принимались. Стоило мне сказать родителям хоть слово, которое было поперёк их воле, отец тут же хватал меня за шиворот и выставлял из квартиры вон в той одежде, в которой я была. Иногда я оказывалась на улице босиком.

И со временем я поняла, что пытаться взывать к голосу разума родителей бесполезно. Они хотели, чтобы я училась на «отлично», но при этом делали всё, чтобы у меня не было никакой возможности заниматься дома. Поэтому я стала уходить делать уроки на улицу. Когда в лес, а когда на берег реки. Всё зависело от погоды.

Особенно долго мне приходилось бывать на улице, когда нам задавали выучить что-то наизусть. Я уходила куда-нибудь подальше вместе с учебником и там занималась. Мои одноклассники до сих пор вспоминают о том, что настолько привыкли видеть в моих руках книги, где бы я не находилась, что когда у меня с собой ничего не было, это их крайне удивляло.

А когда по физике или по химии задавали сделать лабораторную работу дома, то я брала с собой тетрадки и шла к какой-нибудь подруге, чтобы у неё в гостях оформлять свою домашнюю работу.

И из-за того что я всё время нервничала по поводу оценок, уже в тринадцать лет у меня начались серьёзные проблемы с желудком. Стрессы ни для кого не проходят бесследно и обычно ударяют там, где у человека слабое место. Вероятно, из-за постоянного недоедания у меня слабым местом был желудок. А к семнадцати годам у меня впервые открылась язва. Я тогда сдавала вступительные экзамены на юридический факультет МГУ, но не прошла по баллам. Я так сильно нервничала, что открылась язва.

Когда я говорила родителям о болях в желудке, они только отмахивались. В ответ папа называл меня «тунеядкой», «лентяйкой» и «дармоедкой», а мама просто смотрела на меня стеклянным взглядом. Мне же становилось всё хуже и хуже. И однажды я упала в обморок от боли. После этого мама заварила тысячелистник и велела мне пить этот отвар, заявляя, что денег на лекарства нет.

Как я тогда не умерла, не знаю. Боли были страшные. Меня крутило так, что казалось, все кишки выворачивались. Меня постоянно рвало. Я не могла есть, и поэтому меня рвало желудочным соком. А родители даже не сочли нужным вызвать «Скорую помощь». Три недели я корчилась от боли, и лишь на четвёртую смогла подняться с кровати. Мне было очень плохо. Перед глазами всё плыло, а родители, обрадовавшись, что я уже встала на ноги, стали загружать меня всякой домашней работой. А мне хотелось убежать из этого дома куда подальше, но впереди предстоял ещё год до новой возможности поступления в ВУЗ, и нужно было как-то приноровиться к этому обстоятельству. На крошечную зарплату я устроилась на работу в Москве, и потому все дни я проводила там. И хотя это было очень утомительно и невыгодно в плане финансов, в этом был один большой плюс. Я практически не бывала дома и не общалась с родителями, и это обстоятельство окупало все остальные трудности и недостатки.

Вспоминаю всё это сейчас и думаю, как же я это выдержала и не сломалась? Не опустилась на дно жизни и не пустилась во все тяжкие назло родителям? Не знаю. Наверное, это

была тренировка перед моей семейной жизнью с мужем и свекровью, которые пили мою кровь почти также или даже ещё сильнее.

Кстати, точно так же, как родители отказывали мне в еде, точно так же они отказывали мне в одежде. Весь мой гардероб составляла школьная форма. И спортивная, конечно же, так как без неё меня не пустили бы на уроки физической культуры. И всё. Другой одежды у меня не было в принципе. Поэтому я очень рано начала шить, покупая по дешёвке бракованную ткань в комиссионном магазине. Причём приобретала её за свои деньги, которые зарабатывала, работая на ткацкой фабрике с четырнадцати лет.

В советское время для школьников существовало такое понятие как производственная практика, проходить которую нужно было с 8 класса. И вот раз в неделю после уроков мы ездили на ткацкую фабрику, где работали наравне со взрослыми. Только наша смена была укороченной, да и платили нам за работу меньше, чем штатным сотрудникам.

А начиная с 9 класса, один день в неделю вместо уроков мы должны были работать. Причём нам предоставлялось право выбора. Те дети, которые имели обеспеченных и любящих родителей, шли на практику в медсанчасть, где в течение часа, максимум, двух, крутили ватные тампоны и мыли пробирки из-под анализов. Денег за эту работу они не получали, ну да они особо и не уставали от этих обязанностей.

Были ещё и занятия по радиотехнике, а также работа в магазине. Но я, как самая нищая и обездоленная, выбрала самую тяжёлую работу, за которую платили реальные деньги.

Но всё это было в старших классах, а до этого времени с одеждой у меня была просто беда.

Как-то раз, когда мне было двенадцать лет, моя подруга Алла сказала:

– Света, нельзя так плохо одеваться! Разве тебе совсем нечего надеть?

В ответ я лишь промолчала. Что я могла сказать? Да, мне совсем нечего надеть, потому что мои родители на все просьбы отвечали одной фразой: «У нас нет денег», что совершенно не мешало им каждый месяц баловать Лину обновками. И причём не какими-то дешёвыми тряпками, а красивыми импортными вещами, которые в то время стоили во много раз дороже советских.

Но если с верхней одеждой вопрос худо-бедно решался, ведь гулять по улице можно и в спортивном костюме, то с бельём была просто беда.

Когда я вырастала из школьной формы, родителям всё же приходилось покупать новую, чтобы не позориться перед учителями, которые в советское время не молчали, если замечали несправедливость по отношению к ребёнку. Но трусов у меня было лишь две штуки. И покупались они минимум лет на пять. Что неудивительно, ведь они шились из трикотажной ткани, которая отлично растягивалась, особенно от многочисленных стирок. Поэтому мне в прямом смысле приходилось донашивать трусы до дыр.

Однажды, когда мне было пятнадцать лет, и, как обычно, меня одну отправили на оставшуюся после производственной практики часть каникул к бабушке, я постирала своё бельё и развесила на верёвке сушиться. Мои трусы, возраст которых уже перевалил за пять лет, были настолько дырявыми, что их даже зашивать было бессмысленно. И чтобы не позориться перед родственниками, я постаралась их повесить на верёвке так, чтобы как можно меньше дыр было видно. Но бабушка всё равно это заметила.

– Что ж тебе мать трусы не может купить? – укоризненно произнесла она, с сожалением глядя на меня.

Я замялась, не зная, что сказать в ответ. А бабушка подошла к шкафу и достала оттуда новые панталоны, которые вручила мне.

– Носи хоть эти, пока мать тебе новые не купит.

Я поблагодарила бабушку, не решившись в летнюю жару одеть панталоны. Но я их берегла, и они по сей день лежат у меня на полке вместе с остальным бельём. Я их одеваю лишь тогда, когда холодно, и каждый раз вспоминаю бабушку, у которой сердце было настолько большим и добрым, что его тепла хватало на всех детей, внуков и правнуков.

Такая же плачевная ситуация обстояла и с верхней частью женского белья.

Несмотря на то, что с фигурой у меня всегда был полный порядок, по-видимому, мать считала, что бюстгальтер мне не нужен в принципе, потому что никогда по собственной инициативе не покупала его.

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, я, собравшись с духом, попросила маму купить мне бюстгальтер. Ведь все мои подруги уже давно носили лифчики, и лишь я одна ходила по улицам в футболке, через которую всё просвечивалось.

В ответ мама кивнула и, действительно, купила мне бюстгальтер. Конечно же, самый дешёвый и самого маленького размера. Увидев покупку, я так обрадовалась, что даже не придавала значения тому, что он был мне мал, и носить его было невозможно.

Каждое утро я мужественно влезала в него, но не застёгивала, потому что он был мне не по размеру. И так я ходила несколько месяцев, пока потом сама не купила себе новый бюстгальтер на заработанные деньги.

Мне было жутко стыдно это делать! В советские времена, к сожалению, не было магазинов белья, в которые можно было бы зайти и выбрать понравившуюся вещь, примерить её, а затем оплатить на кассе. Раньше предметы женского белья располагались на полках за спиной у продавца в промтоварном магазине. И чтобы приобрести обычный лифчик, нужно было попросить необхватных размеров тётеньку-продавца подать его, осмотреть в присутствии остальных покупателей разного пола и разных возрастов и, не примеряя, поскольку примерочных кабин в магазине не было, сразу же оплатить.

И если учесть тот факт, что я и понятия не имела о том, какой размер мне нужен, приходилось делать это на глазок под пристальными взорами многочисленных покупателей, которых совершение кем-то подобной покупки всегда приманивает, как магнитом. Но я знала, что если снова попрошу маму, то услышу в ответ отказ под тем предлогом, что однажды она уже купила мне бюстгальтер и, как всегда, денег у нас нет, поэтому я собрала в кулак всё своё мужество и прошла через это: прилюдную покупку верхней части женского белья.

Дальше было проще. На следующий год я купила себе новый лифчик, на размер больше предыдущего. А ещё через год новый бюстгальтер большего размера. Теперь это уже не составляло для меня труда. Стеснение прошло, и помощь матери в этом вопросе мне уже не понадобилась.

Но всё это было потом, после четырнадцати лет, когда я смогла зарабатывать. А до этого времени мне постоянно приходилось сталкиваться ещё с одной проблемой.

Точно так же, как мать не считала нужным покупать мне бюстгальтер, точно так же она не считала нужным покупать мне купальник. До тринадцати лет мне приходилось ходить на речку и загорать в одних трусах, которые, как я уже упоминала, имели не слишком приглядный вид и совсем не были предназначены для того, чтобы кому-либо их демонстрировать.

Поэтому когда у меня начала увеличиваться грудь, я просто перестала купаться на речке. Да, я ходила на пляж вместе с друзьями за компанию, но не раздевалась, объясняя это тем, что моя кожа не восприимчива к загару, и я боюсь обгореть.

В то же время моей сестре мама покупала купальники каждый год, начиная с семилетнего возраста. Хотя ей как раз-то купальник и не требовался. Сестра всегда была плоской. Она даже лифчики никогда не носила, потому что они были ей без надобности. Правда, я слышала, что сейчас она располнела, и, возможно, теперь она уже использует эту часть женского белья, но я не могу сказать об этом с уверенностью, потому что не видела её несколько лет.

И вот лишь когда мне исполнилось тринадцать лет, и наш класс собирался идти в поход на озеро с ночёвкой, мама наконец-то соблаговолила купить мне купальник.

Он был самый простой: из ситца коричневого цвета с дурацкими цветочками и ужасными рюшами. Но когда я его увидела, он показался мне самым прекрасным купальником на свете, потому что, во-первых, это был самый настоящий купальник, пусть и купленный за копейки, а во-вторых, он был отдельный. И на моей худенькой фигуре он смотрелся очень даже неплохо.

Правда, уже через год я сама купила себе купальник голубого цвета из полиэстера и без рюшек, потому что прошлогодний мне был уже мал, а ситец, к сожалению, не тянется. Хотя для моих родителей это не было аргументом в пользу новой покупки. И мне пришлось снова тратить свои заработанные гроши, чтобы избежать новых неловких ситуаций с друзьями и родственниками.

Причём когда я что-то себе шила, то постоянно слышала от матери упрёки по этому поводу.

– Зачем ты всё время шьёшь? – возмущалась она. – У тебя же ничего не получится! Зря только деньги на ткань переводить!

Но у меня получалось. Да так хорошо, что все подруги хвалили, а некоторые даже делали заказы. Но для матери и это не было аргументом в пользу моих способностей. Она твердила, что лучше купить вещь на рынке, чем пытаться что-то сшить. И при любом удобном случае она критиковала все мои изделия и старалась избавиться от них под любым предлогом. Например, когда я брала в деревню часть своих вещей, то, возвращаясь домой, мать не позволяла мне их привозить обратно.

– Нечего возить вещи туда-сюда! – твердила она мне. – Вот на следующий год приедешь и снова будешь их здесь носить.

И я слушала её, оставляя одежду в бабушкином шкафу. Но приезжая в деревню на следующий год, ничего там не находила, потому что за это время родственники, навещавшие бабушку, благополучно забирали у неё всё, что можно. Ведь многие действительно оставляли у бабушки одежду, которая становилась мала, чтобы её забрали те, кому она ещё может пригодиться. Так что концов пропавших вещей найти было невозможно. И я снова садилась за швейную машинку и шила себе платья, юбки и блузки. А мать снова критиковала мою работу, что, впрочем, со временем не помешало ей самой начать делать мне заказы.

И даже когда я вышла замуж и стала жить отдельно, мать периодически спрашивала меня:

– Ты до сих пор шьёшь?

– Да, – отвечала я. – Мне это нравится, и у меня хорошо получается.

– Зря, – назидательно говорила она. – Разве не проще поехать на рынок и купить то, что понравится? Сейчас продают столько красивых вещей! И совсем недорого!

– Но то, что я шью, ни на одном рынке и ни в одном магазине не купишь! Я шью красивую и качественную одежду тех цветов и из той ткани, которая мне нравится, а не покупаю дешёвый ширпотреб! Ты даже не представляешь, сколько стоит костюм из натуральной шерсти! А я могу сшить его сама, и обойдётся он мне гораздо дешевле!

– Я тебя просто не понимаю! – снова возмущалась мать. – Ну ладно ещё в детском возрасте ты занималась этой ерундой! Я мирилась с этим, потому что ума у тебя не было. Но сейчас, когда ты стала взрослой, ты до сих пор не можешь понять, что всё это – бесполезная трата денег! Разве можно носить то, что ты шьёшь? Разве тебе не стыдно выходить на люди в той одежде, которую сама сшила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.